

Дмитрий Валентинович Сергеев
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Теоретические основания изучения современных языков культуры в постиндустриальном обществе¹

Целью данной статьи является выявление основных тенденций развития языков культуры и культурных текстов, порождённых в условиях постиндустриального общества. Главным методом исследования является анализ работ зарубежных ученых, изучавших постиндустриальное общество, и эмпирических фактов его развития. Выделяются четыре группы источников суждений о предмете исследования: результаты исследований постиндустриального общества, результаты исследований онтологии языков культуры в условиях постиндустриального общества, эмпирическая реальность и последствия привнесения постиндустриальных явлений в пространство российской культуры. Исследование сосредотачивается на тех тенденциях развития общества, которые были выделены зарубежными учёными в 70–80-е гг. XX в. с целью их перенесения на анализ тенденций развития знаковых систем. Выделяются три основные тенденции: распад единой системы ценностей, социальные сдвиги в обществе, профессионализация производства языков культуры. Общим основанием всех изменений является необходимость повышения эффективности языков культуры в условиях интенсификации развития всех сфер общества. Для обеспечения большей достоверности приводятся примеры культурных текстов, подтверждающие выделенные тенденции.

Ключевые слова: культурная семантика, культурный текст, языки культуры, постиндустриальное общество, ценности, социокультурные трансформации.

Dmitriy Valentinovich Sergeev
Candidate of Culturology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Theoretical Foundations of the Study of Modern Cultural Languages in Post-Industrial Society

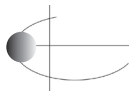
The purpose of the paper is to identify the main trends in the development of cultural language and cultural texts generated in the post-industrial society. The principal method in the research is the analysis of the works of foreign scholars who have studied the post-industrial society and the empirical evidence of its development. The paper discusses the theoretical foundations for analyzing cultural language and texts generated in the post-industrial society. There are four sources of judgments about the subject of the research: results of the studies of post-industrial society, the results of the studies of cultural language ontology in the post-industrial society, the empirical information and the consequences of introducing postmodern phenomena in the space of the Russian culture. The paper focuses on the trends of social development which were revealed by foreign scientists in the 1970s – 1980s. These trends were transferred to the analysis of symbolic systems transformation. There are three main trends: the collapse of axiological system, general transformations of the industrial society, the professionalization of the cultural language production. The common ground of all the changes is the need to increase the efficiency of cultural languages in the context of intensification of all social spheres development. The paper is full of evidences and examples to ensure validity for the revealed trends.

Keywords: cultural semantics, cultural text, cultural language, post-industrial society, value, social and cultural transformations.

Постановка проблемы. Проблема, сформулированная таким образом, может удивить исследователей. Удивительным является не содержание заявляемой проблемы, –

скажем, её широта или заведомая недостижимость цели, – но место, где она сформулирована. Российский исследователь должен понимать, что Россия – страна его прожива-

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки, № 6.3676.2011.

ния и локус, в котором будут разворачиваться его научные поиски – не является постиндустриальным обществом. Постиндустриальным называется такое общество, большая часть ВВП которого приходится на производство экономики знания. Более того, российское общество не проявляет эндогенных признаков трансформации с целью выхода на новый постиндустриальный этап развития. Оно, скорее, сталкивается с последствиями и уже готовыми результатами, которые происходят в других странах и могут быть отнесены к этой категории. Наличие электронных аппаратов, технологий по их производству и обслуживанию, практик взаимодействия с ними и социокультурных последствий этого взаимодействия является побочным эффектом процессов, происходящих где-то, но не в России.

В этом моменте наших рассуждений появляется возможность обратить недостаток в достоинство. На правах «туземцев», которые способны не только пользоваться результатами чужого постиндустриального развития, но и формулировать умозаключения по этому поводу, мы обретаем исследовательскую позицию вменяемости, когда анализируем посторонние для нас, объективные, лишённые нашей субъективной сопричастности процессы и явления. Это в теории и в идеале.

На практике давно стали шаблонными не критические суждения по поводу «тлетворного влияния Запада», которые доносятся из разных исследовательских школ каждый раз, когда очередная техническая, социальная или культурная новинка западного мира пересекает границы нашего культурного ареала. Необходим трезвый исследовательский взгляд на процессы и явления, с которыми Россия оказалась, зачастую не по своей воле, сопричастна и эффекты которых она на себе испытывает.

В такой ситуации необходимо определиться с эмпирической базой, с источником суждений, если собственная окружающая реальность не может нам их предоставить и если они уже потеряли качество объективных, «незамутнённых» чужой оценкой данных.

Представления об особенностях современных языков культуры в условиях постиндустриального общества можно черпать из следующих источников:

1) теоретические исследования постиндустриального общества социологами, философами и культурологами, которые а) стали свидетелями зарождения этого типа обще-

ства и попытались проанализировать причины, приведшие к его возникновению, и разнообразие тенденций его развития и б) которые продолжают наблюдать результаты становления постиндустриального общества в настоящее время;

2) теоретические обобщения исследователей, изучавших становление новых знаковых систем в условиях постиндустриального общества;

3) конкретные эмпирические факты существования языков культуры в новых социокультурных условиях постиндустриального общества;

4) конкретные эмпирические факты взаимодействия новых языков российской социокультурной действительностью и их адаптации к отечественным условиям.

Само разбиение источников на группы довольно условно. В частности, американским исследованиям, в которых впервые стали описываться и обсуждаться проблемы постиндустриального общества, присуще отличительное качество: практически все они и всегда опираются на обширный фактологический материал.

Отметим необходимость критического подхода к их результатам. Не все их выводы оказались подтверждёнными последующим развитием социокультурной реальности, особенно в части прогнозов. Не оправдались утверждения исследователей относительно социализма, который рассматривался как альтернативный капиталистическому путь к построению постиндустриального общества [2, с. CXLVII]. Радикальную трансформацию должны были претерпеть, по утверждению Э. Тоффлера, семейные отношения: особенно смелым, даже для наших дней, является утверждение о разделении в гипотетическом будущем родителей небиологических и профессиональных [8, с. 28].

Исследователей, которые наблюдали за процессом становления общества, получившего наименование постиндустриального, можно обвинить в том, что они не акцентировали внимание на многих проблемах, оказавшихся значительными и определивших формирование нового мировоззрения и новых моделей поведения. В частности, речь идёт об экологических проблемах. И уж никак они не прогнозировали невиданный религиозный ренессанс, случившийся в первые десятилетия XXI в.

Однако в задачи этой статьи не входит перечисление ошибок и неточностей, которые можно обнаружить в ранних работах со-

циологов и футурологов. Ценными являются те выводы, которые они сделали относительно нарождающейся социокультурной реальности и которые подтвердились самой историей. В данной работе мы остановимся на тех тенденциях в развитии языков культуры в условиях постиндустриального общества, которые проявились с наибольшей очевидностью и имеют наиболее чёткое проявление в культурных текстах, но, самое главное, которые были предвидены исследователями в 60–70-е гг. XX в.

Распад единой системы ценностей. Б. Хюбнер, который интересен для данной работы как один из первых философов, предложивших семантическую концепцию развития общества, рассматривает социальную эволюцию как трансформацию общества закрытого смысла в общество открытой цели. Это означает переход от гетерономно предзаданного потусторонними силами или посясторонними сущностями смысла к смыслу как продукту рефлексии, социокультурному конструкту и результату осмысленного социокультурного поведения.

Одним из многих следствий этого процесса явился распад единой картины мира. Взамен человек получил возможность автономно формировать представления о той реальности, в которой он живёт [11, с. 174–176]. В плане культурной семантики это означало распад прежней упорядоченности знаковых систем. Их отмена привела не к появлению новой императивной системы, как это часто случалось в истории, когда разрушение предыдущей господствующей системы знаково-семантических формаций приводило к утверждению другой. Теперь в распоряжении субъекта находятся общие правила и возможности для проектирования любых систем, какие ему только покажутся способными выразить его индивидуальность и идентифицироваться относительно какой-либо социокультурной группы.

Это потребовало «переформатировать» набор имевшихся знаковых возможностей, пересмотреть их семантический потенциал. В принципе речь идёт о новых способах означивания, категоризации и трансляции, что, в свою очередь, требует трансформации возможностей и характеристик языков культуры.

Мы должны быть благодарны Э. Тоффлеру за то, что он одним из первых увидел и сформулировал модульный принцип организации явлений постиндустриального общества. Исследователь будущего жил во время появления различных архитектурных группи-

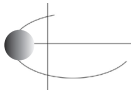
ровок, реализовавших модульный принцип в проектах: метаболизм, архизум, аркигрэм. Модульным духом пронизаны не только их проекты – например, Национальный центр искусства и культуры им. Жоржа Помпиду по проекту Ричарда Роджерса и Ренцо Пьяно, но и их названия, например, плагин-сити Питера Кука. Возможно, по этой причине основная масса примеров в книге американского футуролога касается предметного мира, в частности, архитектуры. Хотя для 1970-х гг. успех фирмы Икея, чья мебельная продукция полностью основывается на модульном принципе, ещё дело будущего.

Но данный принцип распространился и на нематериальные явления. Э. Геллнер в своих рассуждениях пошёл ещё дальше и утверждал, что модульный человек выступает истинным и эффективным субъектом гражданского общества [2, с. 116, 118, 119].

Безусловно, это стало возможным благодаря социальным трансформациям традиционного общества в индустриальное и далее в постиндустриальное, о последствиях которых ещё будет сказано ниже. Некоторые из них в отечественной научной литературе рассматриваются как признаки кризиса или как результат уже случившейся катастрофы, что иногда сопровождается призывами вернуться к традициям прошлого. Однако новые социальные связи востребованы самой социокультурной действительностью. Оказалось, что слабые диффузные социальные связи, которые человек постиндустриального общества формирует на основе коммуникации через Интернет и мобильные технологические устройства, позволяют лучше адаптироваться к условиям экономики знаний. В частности, в таких условиях человек лучше овладевает информацией и выполняет различные эффективные манипуляции с ней [7].

Модульный принцип можно обнаружить в структуре смысла и организации семантического материала. Модульность оказалась востребованной в условиях интенсификации семантических возможностей знаковых систем. Наилучшим примером модульной организации семантического материала служит веб-дизайн, который в полной мере реализовал этот принцип в отношении контента сайтов.

Модульность становится средством установления социальных отношений. В какой-то мере можно сказать, что развод с возможностью заключения последующих браков – тот же модульный принцип организации семейных отношений. Известная песня британско-

го певца Эдварда Ширана «Лего дом»¹ начинается с таких слов: «I'm gonna pick up the pieces / And build a Lego house / When things go wrong we can knock it down – Я собираюсь сложить кусочки / И построить домик из Лего, / Когда дела пойдут не так, мы сможем сломать его». В песни речь идёт об отношениях между юношей и девушкой, и прозрачность метафоры не оставляет места сомнению в принципе модульности, на котором эти отношения выстраиваются.

Российская система образования недавно пережила на себе введение модульного принципа, когда со вступлением в силу образовательных стандартов нового поколения был внедрён модульный принцип построения учебного процесса. Однако говорить о положительных результатах этого нововведения, к сожалению, не приходится. Отсутствие необходимости и условий в самом обществе для принятия новых (или, как принято говорить сейчас, инновационных) улучшенных ресурсов организации деятельности и социального взаимодействия не позволяет в полной мере воспользоваться его потенциалом, а введение стандартов рассматривается как посторонняя, в очередной раз навязанная сверху чья-то прихоть.

Модульность – эффективный способ интенсификации социокультурных отношений в условиях постиндустриального общества. Возможность использования определённого ресурса не в одной его функции, а в нескольких – в зависимости от модификаций, которые система способна претерпеть.

Однако знаковые системы идут дальше в своём развитии. Семантическая модульность позволила сформировать семиотические системы с полиморфными функциями и полифункциональными формами. П. Левушкан, рассказывая о современных формах организации религии, приводит пример кибер-религий, которые возникают только как общины в Интернете. Для проведения определённых обрядов члены таких общин снимают помещения ночных клубов, а для преподавания катехизиса – кафе «Старбакс» [5]. В частности это приводит к размыванию противопоставленности сакрального и профанного пространств. Но главное, что конкретное пространство, которое изначально не пред-

¹ Эд Ширан – достаточно известный музыкальный певец в молодёжных субкультурах. Он был среди музыкантов, выступавших на закрытии XXX летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. В клипе на песню «Лего дом» снялась звезда фильмов о Гарри Поттере Руперт Гринт, а сам сингл вошёл в десятку некоторых мировых музыкальных чартов. Всё это доказывает достаточную репрезентативность данного культурного текста.

назначено для отправления религиозных или других сакральных обрядовых действий, становится открытым и адаптивным для выполнения таких функций.

Появляются пространства изначально с неявными функциями, которые переопределяются каждый раз в каждом конкретном случае. Полифункциональностью отличаются современные торгово-развлекательные комплексы, которые уже в своём названии указывают на размытость функций конкретных пространств, легко адаптирующихся к актуальным нуждам потребителей. С 2011 г. Россия переживает бум открытия анти-кафе, где продаются не услуги и продукция, а время, проведённое в пространстве. Покупатели сами определяют, на что их потратить и какой деятельностью заниматься в отведённое время.

Переформатирование социокультурного взаимодействия и появление для этого языков культуры, основанных на модульном принципе, порождают новые проблемы. Например, возникает юридический вопрос о применении авторского права к образованному объекту. Этот вопрос возникает как следствие нерешённости онтологического статуса объекта, получившегося в результате перемодуляции изначальных элементов. Так, ремиксы в музыке и ремейки в кино порождают вопрос о том, являются ли они новыми объектами искусства или всего лишь модификацией изначальных, а, следовательно, имеют ли они право выступать отдельными объектами охраны авторского права, или охране подлежит только изначальный продукт, и все модификации с ним требуют разрешения его создателя. Пока что вопрос находится в процессе активного обсуждения.

Социальные основания семантических трансформаций. Безусловно, в основании этих процессов лежали социальные сдвиги, произошедшие за последние несколько столетий. Одним из конечных результатов этих трансформаций стало рождение плюралистического общества [3, с. 76]. Возможность легитимации и легализации различных способов идентичности пробудило фантазию самых разных групп и сообществ, которые воспользовались правом на самовыражение. Децентрализация единой знаковой системы породило многоголосицу в семиотическом и семантическом планах.

После событий 1968 г. социальные сдвиги стали наиболее очевидными, а пришедшая на помощь субъектам этих сдвигов постмодернистская философия подвела теоретиче-

ские основания под возможности самовыражения даже социальных маргиналов.

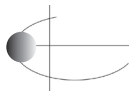
Утрата единства в определении системы культурных ценностей и плюрализация социальных норм приводят к сдвигам в текстовых практиках. Отпала необходимость в больших текстах и гигантских метанарративах. Очень редко можно встретить сегодня писателя, предлагающего публике эпический роман, подобный толстовскому «Война и мир». Философы не помышляют о создании грандиозной философской системы, объясняющей устройство мироздания во всех его деталях. Киноновеллы и голливудские фильмы с бесконечным количеством сиквелов и приквелов – культурная продукция, изготовленная согласно модульному принципу, который соотнобразуется с финансовой выгодностью и экономической целесообразностью. Даже если они основаны на романах, в большей части это модульный принцип, привнесённый в литературу, как в случае с феноменальным успехом книг о Гарри Поттере. Последующая книга может возникнуть только в том случае, если имеет коммерческий успех предшествующая ей история.

Возникает кризис репрезентации, когда старые знаковые системы не устраивают тех, кто хочет получить доступ к социальным ресурсам и пройти процесс культурной легитимации. Новые культурные группировки требуют признания не только своих субъектов, но и семантических систем, которыми они пользуются для самовыражения. Обычно следствием этого являются протесты и возражения со стороны консервативной части общества, которая говорит об утрате традиционных ценностей, разложении общества и падении нравов. Это связано с тем, что, как говорится, всё пошло в дело. Произошло не известное ранее истории культуры гигантское и практически одномоментное расширение знакового материала и наделение знаковыми функциями систем, которые ранее таковыми не обладали. В качестве такового рассматривается не только опыт с проектированием и синтезированием уже имеющихся знаковых систем в культуре, но и вовлечением новых форм социокультурной активности. Репрезентация в современных условиях работает даже с самыми интимными сферами культуры – тело, секс, непроговариваемые и необнажаемые проявления бессознательного и пр., которые становятся средствами семантического производства. Постмодернизм возник не на пустом месте.

В отсутствии единого культурного идеала социальные группировки и сообщества оказались в ситуации, когда они сами могут и должны их себе создать. Практически с нуля, на пустом месте они должны были возвести инфраструктуру, которая будет выполнять функции ориентира в этой новой социокультурной реальности. Буквально за несколько десятилетий возникли разнообразные экспертные сообщества, ассоциации и объединения, которые определяют образцы и идеалы поведения и взаимодействия в разнообразных сферах деятельности. Самые невообразимые награды и рейтинги призваны установить ориентиры, выстроить систему ценностей для конкретных сообществ и их многовариантных ситуаций. Это приводит к распаду некогда единого семантического пространства, базировавшегося на общих идеалах, когда разные социальные ситуации рассматривались с позиций общего «мерила», каковым является хрестоматийный пример иудаизма.

Сообщества экспертов, которые возникли ранее, в период модерна, должны были модифицироваться, адаптироваться к новым запросам реальности. В противном случае они распадаются и исчезают, как это случилось с Международным Конгрессом Современной Архитектуры (CIAM).

Приведём примеры. Американская академия киноискусства, возникшая в начале XX в. и вручающая одну из самых престижных премий в мире в области кино, за последние 20 лет явно провела коррекцию своей политики. Даже если учесть изначальную либеральность взглядов американских киноакадемиков, нельзя ни отметить, что значительно расширился ряд героев, которые становятся главными персонажами фильмов, попадающих в номинацию «Лучший фильм года». Многие из них могут быть отнесены к тому или иному типу социокультурного маргинала: коренные индейцы Северной Америки «Танцы с волками» (1990 г.), маньяк-убийца «Молчание ягнят» (1991 г.), имеющие определённые психические заболевания личности «Человек дождя» (1988 г.), «Форрест Гамп» (1994 г.), «Игры разума» (2001 г.), беременная женщина-полицейский «Фарго» (1997 г.), мать-одиночка «Эрин Брокович» (2000 г.), бездомный индус «Миллионер из трущоб» (2008 г.) и т. п. Широкой репрезентативностью отличается тема сексуального меньшинства. Только за 1990–2000-е гг. три актёра получили престижнейшую премию «Оскар», сыграв в главной роли гомосексуалистов: Том Хенкс

(1995 г.) за роль менеджера, уволенного по причине его гомосексуальности и болезни СПИДом, Филип Сеймур Хоффман (2006 г.) за роль писателя Трумена Капоте, Шон Пенн (2009 г.) за роль гей-активиста Харви Милка. Кроме того, Кристофер Пламмер (2010 г.) – за роль второго плана, сыграв умирающего престарелого гея, а режиссёр Энг Ли – в категории «Лучшая режиссура» за нашумевший фильм «Горбатая гора» (2006 г.). Гей-тема является основной сюжетной линией в фильме «Часы» (2003 г.) и «Детки в порядке» (2010 г.).

Даже привычные персонажи и герои показываются в необычных ситуациях. Сцена плачущей королевы Елизаветы II, хотя и показанной со спины (видимо, не все табу ещё могут быть нарушены), производит неизгладимое впечатление, а Хелен Мирен получила заслуженного «Оскара».

Обретая определённые социальные, культурные, а иногда и политические, гарантии, ранее маргинальные и преследуемые социальные субъекты и группы притязают на определённые символические привилегии. Они хотят получить доступ к официальным и культурно признаваемым дискурсам и нарративам. В антропологии это обозначилось заменой парадигмы «говорить вместо другого» на парадигму «говорить вместе с другим» [12, р. 102] (что опять же нашло своё отражение в оскороносном фильме 2011 г. «Прислуга»).

Другой причиной зримой диффузности и быстрой обновляемости языков культуры является бурное развитие техники и технологий, что приводит к ускоряющемуся процессу появления и обновления новых аппаратов, профессий и практик, которые должны быть каким-то образом обозначены и определены.

Профессионализация производства языков культуры. Многостраничный труд Д. Белла призван показать, насколько значимым стал умственный труд в условиях появления общества, основанного на экономике знаний, и каковы социальные последствия этого процесса. П. Диксон показал механизм функционирования интеллектуальных институтов, производящих новые идеи и названных им «фабриками мысли» [3]. Российское образование тоже оказалось захвачено этими процессами в 90-х годах XX в., когда были созданы и начали массово реализовываться по всей стране образовательные программы по «невиданным» на тот момент специальностям. Если составить список социокультурно ориентированных профессий, которые появились в XX в. и назначение которых до сих пор не все могут себе внятно представить, то

он будет довольно длинным: культурология, связь с общественностью, политология, дизайн, маркетинг, менеджмент по всевозможным видам деятельности и т. д.

Ранее языки культуры и правила их использования определились двумя важнейшими характеристиками: конвенциональность и стихийность. Первая характеристика указывает на социальную договорённость и наличие определённого согласия по поводу используемых знаковых систем. Это качество необходимо для того, чтобы они были всеми понимаемы и разделяемы. Вторая характеристика указывает на качество этой договорённости, которая складывалась в течение нескольких поколений, отобравших наиболее эффективные и удобные на тот момент формы семантического обозначения. Языки культуры продуцировались целыми коллективами, и в его ведении находились процедуры надзора за правильностью их использования. Результатом описанных нами выше процессов является десемантизация культурных объектов и явлений. Ярким примером выступает десемантизация одежды [4, с. 29]. Неконвенциональность символики позволяет осуществлять самые смелые эксперименты в области прет-а-порте и высокой моде.

Во второй половине XX в. появляются профессионалы, которых готовят в университетах для того, чтобы они разрабатывали и предлагали обществу специально сконструированные знаковые системы, адаптивные к новым социокультурным условиям. Общество стало возвращать медиаторов, «текстовых» адаптеров, которые осуществляют разные формы интерпретации, редактирования и обработки семантического материала. Если на предыдущих стадиях развития человек получал «самодельные» сообщения, субъект постиндустриального общества практически всегда сталкивается с заранее обработанной, «спроектированной» информацией [8, с. 188]. Она проходит процедуры отбора и упорядочивания разного рода редакторами, которые систематизируют и представляют информацию в специально разработанном для этого виде. Возникает ощущение, что нас лишают возможности прикоснуться непосредственно к источнику информации, который мы воспринимаем как непосредственный генератор смыслообразования. Но проблема в том, что мы не можем в современной ситуации охватить всё многообразие этих источников.

Профессионализация охватывает все сферы, включая досуг и повседневность. Но было бы неправильно представить этот про-

цесс как результат только становления постиндустриального общества. Он начался в эпоху промышленного переворота и является его естественным следствием. Однако меняются правила и принципы, на которых специалисты осуществляют свои практики. Они по-прежнему являются носителями институциональной власти, о которой так много писал М. Фуко [9; 10]. Но теперь меняется назначение и социальный смысл деятельности экспертов. Наглядным является пример изменения отношений между врачом и пациентом, который приводит Л. А. Микешина и М. Ю. Опенков. Он достаточно показательный, потому приведём его без сокращения: «Во врачебной практике ценность автономии пациента оказывается столь высока, что благодеяние врача вопреки воле и желаниям больного стало считаться недопустимым. Под информированным согласием понимается добровольное принятие пациентом курса лечения или терапевтической процедуры после представления врачом адекватной информации. Врач даёт совет о наиболее приемлемом с медицинской точки зрения варианте, но окончательное решение принимает больной, исходя из своих нравственных ценностей. Добровольность информированного согласия подразумевает неприменение со стороны врачей принуждения, обмана, угроз, чтобы добиться от пациента принятия определённого решения <...> Традиционно считалось, что первая цель медицины – защита здоровья и жизни пациента. Однако достижение этой цели сопровождалось отказом от свободы больного, а значит и от его личности. Пациент превращался в пассивного получателя блага. Теперь врачи на основании своего опыта осуществляют экспертизу относительно прогнозов лечения. Но только пациенту ведомы его жизненные ценности, которые приобретают решающее значение при оценке ожидаемых результатов» [6, с. 177–178].

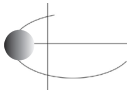
Авторы настолько убеждены в глубоком различии двух моделей взаимодействия, что предлагают выделить два абсолютно противоположных типа мышления: законодательный и интерпретативный: «Интерпретатив-

ный разум участвует в диалоге там, где законодательный разум борется за право разговаривать с самим собой. Если законодательный разум обслуживает структуру господства (дискурс власти), то интерпретативный разум включается в процесс взаимного информирования и сообщения (коммуникацию)» [6, с. 178–179]. Современный врач оказался в той же ситуации, что и ранее упомянутый антрополог. Врач не может больше решать за своего пациента. Таким образом, и новые, и старые виды деятельности оказываются вовлечёнными в новый социокультурный контекст постиндустриального общества с его ориентацией на желания субъекта. Целью профессионализации видов деятельности является не надзор и коррекция поведения отдельных субъектов общества, а в социокультурном сопровождении современных потребностей конкретных социальных групп и их представителей.

Итак, выводы, которые были сформулированы учёными, непосредственно наблюдавшими за становлением постиндустриального общества, оказались подтверждены самой социокультурной реальностью. Современное состояние и тенденции развития языков культуры в этом типе общества укладываются в некоторые модели и теоретические схемы, предложенные Д. Беллом, Э. Тоффлером, П. Диксоном, Э. Геллнером. В данной работе были рассмотрены только три из выявленных ими тенденций: плюрализация системы ценностей, социальные основания семантических трансформаций, профессионализация производства языков культуры. Объединяет все эти тенденции общая логика: языки культуры востребованы, если они способны быстро и адекватно адаптироваться к требованиям бурно развивающегося общества, основанного на экономике знаний. Это ведёт к интенсификации не только социокультурных отношений, но и к нагрузке на знаковые системы, которые также должны стать более эффективными в контексте описанных тенденций развития постиндустриального общества.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Моск. школа полит. исслед., 2004. 240 с.
3. Диксон П. Фабрика мысли. М.: АСТ, 2004. 505 с.
4. Кузнецов И. М. Представление о многообразии этнокультурных миров как основа формирования поликультурного образовательного пространства // Межкультурная компетентность педагога в поликультурном образовательном пространстве: науч.-метод. материалы / под ред. О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой. СПб.: Книжный Дом, 2008. С. 8–34.

5. Левушкан П. Кибер-религия: католики, протестанты и другие / видеолекция. URL: <http://theoryandpractice.ru/?scope=video> (дата обращения: 15.11.2012).
6. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальность. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. 240 с.
7. Солдатова Г. Цифровое поколение России: взгляд изнутри : видеолекция. URL: <http://theoryandpractice.ru/?scope=video> (дата обращения: 20.12.2012).
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
9. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 432 с.
10. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.
11. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчёты, просчеты и сведение счётов. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.
12. Kilani M. La «culture comme texte». Sur la nature de l'objet anthropologique // Approches sémiologiques dans les sciences humaines / Publié sous la direction de D. Miéville. Lausanne: Editions Payot, 1993. P. 87–111.

References

1. Bell D. Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya. M.: Academia, 1999. 956 s.
2. Gellner E. Usloviya svobody. Grazhdanskoye obshchestvo i ego istoricheskiye soperniki. M.: Mosk. shk. polit. issled., 2004. 240 s.
3. Dikson P. Fabrika mysli. M.: AST, 2004. 505 s.
4. Kuznetsov I. M. Predstavleniye o mnogoobrazii etnokulturnykh mirov kak osnova formirovaniya polikulturnogo obrazovatel'nogo prostranstva // Mezhkulturnaya kompetentnost pedagoga v polikulturnom obrazovatel'nom prostranstve: nauch.-metod. materialy / pod red. O. E. Khukhlayeva, M. Yu. Chibisovoy. SPb.: Knizhny Dom, 2008. S. 8–34.
5. Levushkan P. Kiber-religiya: katoliki, protestanty i drugiye / videolektsiya. URL: <http://theoryandpractice.ru/?scope=video> (data obrashcheniya: 15.11.2012).
6. Mikeshina L. A., Openkov M. Yu. Nove obrazy poznaniya i realnost. M.: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 1997. 240 s.
7. Soldatova G. Tsifrovoye pokoleniye Rossii: vzglyad iznutri : videolektsiya. URL: <http://theoryandpractice.ru/?scope=video> (data obrashcheniya: 20.12.2012).
8. Toffler E. Shok budushchego. M.: ACT, 2002. 557 s.
9. Fuko M. Nenormalnye: kurs lektsy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnoy godu. SPb.: Nauka, 2005. 432 s.
10. Fuko M. Rozhdeniye kliniki. M.: Akademichesky Proyekt, 2010. 252 s.
11. Khyubner B. Smysl v bes-SMYSLENNOYE vremya: metafizicheskiye raschyoty, proshchety i svedeniye schyotov. Minsk: Ekonompress, 2006. 384 s.
12. Kilani M. La «culture comme texte». Sur la nature de l'objet anthropologique // Approches sémiologiques dans les sciences humaines / Publié sous la direction de D. Miéville. Lausanne: Editions Payot, 1993. P. 87–111.

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2013 г.